

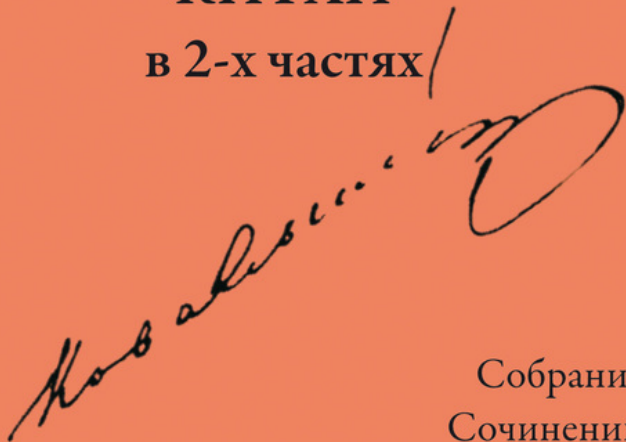
Ковалевский Е.П.

ПУТЕШЕСТВИЕ

В

КИТАЙ

в 2-х частях

A large, stylized handwritten signature in black ink, slanted diagonally across the page. The signature appears to read 'Ковалевский'.

Собрание
Сочинений
Том 3

Егор Петрович Ковалевский

Собрание сочинений.

Том 3. Путешествие

в Китай в 2-х частях

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24272432

Собрание сочинений. Том 3. Путешествие в Китай в 2-х частях:

ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ; Москва; 2017

ISBN 978-5-9903300-7-8, 978-5-9500068-3-8

Аннотация

В третьем томе настоящего собрания сочинений Ковалевского Е. П., дипломата, путешественника, ученого, общественного деятеля, описаны события 1849-1850 гг., когда Егор Петрович был командирован в качестве пристава для сопровождения в Пекин 13-ой Русской духовной миссии. Итогом этой поездки стало заключение Кульджинского трактата в 1851 году, имевшего важное значение для развития российско-китайских торговых отношений. Издание оценят все, кто изучает историю российской дипломатии и геолого-географических исследований середины 19 века, а также широкий круг читателей.

Содержание

От издателя	5
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	20
Глава III	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Егор Петрович
Ковалевский
Собрание сочинений.
Том 3. Путешествие
в Китай в 2-х частях**

© ООО «ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 2017

* * *

От издателя

Настоящий том печатается по книге 1853 года «Путешествие в Китай Е. Ковалевского, в 2-х частях», изданной типографией Королева и К^о, и охватывает события 1849-1850 гг., когда Егор Петрович был командирован в качестве пристава для сопровождения в Пекин 13-ой Русской духовной миссии. Итогом этой поездки стало заключение Кульджинского трактата в 1851 году, имевшего важное значение для развития российско-китайских торговых отношений.

Пунктуация и орфография в настоящем издании приближены к современным нормам русского языка, географические названия и имена собственные оставлены в тексте в написании предыдущего издания с сохранением всех встречающихся вариантов.

Примечания настоящего издания выделены курсивом.

Выражаем искреннюю благодарность Министерству иностранных дел Российской Федерации за поддержку проекта, Начальнику Архива внешней политики Российской империи Поповой Ирине Владимировне и сотрудникам Архива Волковой Ольге Юрьевне и Руденко Алле Владимировне за внимание и неоценимую помощь; Посольству Российской Федерации в Китае за отклик и предоставленные фотографии; коллективу Протопоповского УВК Дергачевского районного совета в лице учителя украинского языка, краеведа

Остапчук Надежды Федоровны, Фесик Вероники Владимировны, а также Мельниковой Людмилы Григорьевны, которой, к глубокому сожалению, уже нет среди нас, за большую организационную и научную работу по увековечиванию памяти писателя на его родине – в селе Ярошивка Харьковской области.

Часть первая

Глава I

Сборы и отправление за границу. – Первоначальные сношения русских с Китаем. – Причины основания российской духовной миссии в Пекине и трактаты, подтвердившие ее существование и упрочившие наши связи с Китаем.

В России большие переезды – дело обычное. Путешествие до Кяхты, в отдаленный угол Восточной Сибири, на границу Китая, почти за 6,500 верст от Петербурга, не представляет ничего необыкновенного читателю, которому этот путь, конечно, очень хорошо известен.

Кяхта была починным пунктом нашего караванного странствования. Заботливое иркутское начальство, задолго еще до моего приезда, приняло все меры для снаряжения миссии. Но не надо забывать, что нам предстоял путь через всю пустынную Монголию, – а путь этот, в оба конца, продолжается, по крайней мере, пять месяцев, не считая зимней стоянки в Монголии, где сухари и припасы сберегаются в юрте или яме, и после того должны быть опять пригодными в пищу или в дело, – что мы везли с собой не только припасы для себя и провиант для казаков, но и серебро,

на время всего продолжительного пребывания миссии в Пекине, и вещи собственно ей или церкви принадлежащие. А потому, было-таки о чем подумать и похлопать до отправления в дальнейшую дорогу. С нами было более 500 лошадей, недавно пригнанных со степи, полудиких, которых не было возможности приучить в короткое время к упряжи; верблюды были также необъезженны; только быки и бараны, как бы чувствуя свое предназначение, были смирны и не представляли никаких затруднений для гонки их в пути.

Я прожил более двух недель в Кяхте, несмотря на нетерпение китайских приставов миссии, давно уже приехавших из Пекина. Наконец, все было принято, взвешено или сосчитано, и день нашего отправления окончательно назначен.

Улицы Кяхты, большей частью пустынные, были запружены народом; обоз, состоящий из сотни одноколок и повозок, табуны лошадей, верблюдов, быков и баранов стекались на площадь, у пограничных ворот. Ударили в колокол, и народ отхлынул с площади в церковь. После обедни, молебна и окропления святой водой, отряд казаков, назначенный для дальнего пути, и мы все отправились на прощальный обед, который давало нам кяхтинское купечество. В 12 часов началась отправка обоза и табунов, которые счетом принимали китайские и монгольские пристава, при посредстве чжаргуци, или, как здесь называют, заргучея, китайского пограничного начальника. В 5 часов отправились и мы. Не знаю, как уж мы протиснулись сквозь толпы народа, стекшегося в Кях-

ту из-за 500 верст и даже далее, – русских, монголов и китайцев. Первые пришли для испрошения благословения отца архимандрита¹, начальника нашей духовной миссии, для прощанья с родными и знакомыми казаками, для пожеланий различного рода и других целей; последние – просто из любопытства. На пути через Май-ма-чен мы зашли к заргучею на чашку чаю: таков уже обычай. Май-ма-чен – китайская деревенька, лежащая против Кяхты. В них обеих не наберется 500 человек жителей, а между тем здесь производится один из самых значительных меновых торгов, простирающийся на сумму до 50 мил. сер. оборота с обеих сторон. По выходе от заргучея, нам предстоял важный труд пробраться сквозь толпу, которая, если не увеличилась, то сделалась гораздо гуще в тесных улицах Май-ма-чена. Наконец, мы кинулись в первые попавшиеся экипажи и понеслись...

Прощай Россия! Часто покидал я тебя; казалось, мог бы и свыкнуться с этой разлукой, а все-таки, каждый раз, что оставляю позади себя пограничные ворота, золотой крест церкви, или, просто, пестрый шлагбаум бывает как-то неловко в груди. Теперь, эти торжественные проводы при звоне колоколов, при всеобщем прощанье, плаче и рыданиях, слышавшихся отовсюду, теперь все это щемило сердце больше обыкновенного.

Мы выехали 19 июля 1849 г. Кяхтинское начальство, ку-

¹ *Кафаров П. И. (архимандрит Палладий), начальник 13 Русской духовной миссии в Пекине. – Прим. ред.*

печество и собравшиеся в Кяхте знакомые миссионеров провожали нас до первой станции, отстоящей всего верст десять от границы; первый переход никогда не делают больше, – не успеть.

На другой день мы были поражены самым необыкновенным образом. Многие миссионеры и в Кяхте, под кровлей дома, уже сильно терпели от жаров, а дорогой, под открытым небом, на солнце, беспрепятственно палящем среди степи, они приготавливались страдать еще больше; а потому только и забот было, какое бы платье придумать полегче, какие бы прохладительные меры принять против жаров? Каково же было их удивление, когда, проснувшись под влиянием самых неприятных ощущений, они увидели, что ртуть в термометре опустилась чуть не до точки замерзания!

Вскоре, однако, собравшиеся около костров, на большом пространстве лагеря, пестрые толпы народа зашумели весело; чай и прощальная чарка разогрели кровь. Опять прощанье! Еще помолились на крест кяхтинской церкви, который был виден издали и отправились, одни на север, домой; другие далее, на юг...

Остановимся здесь на время, и изложим, хотя коротко, наши отношения к Китаю, первоначальные с ним связи и причины основания российской миссии в Пекине; иначе, многое покажется непонятным для читателей, не совсем посвященных в историю здешнего края.

Наши сношения с Китайской империей начинаются со

времени появления сибирских казаков в Даурии. Казаки выступили из Якутска, отыскивая не новые царства и земли неизвестные; но леса, обильные пушными зверями и людей, богатых звериным промыслом; они переправились через озеро Байкал, поднялись по Селенге, и вскоре очутились на реках Шилке, Аргуни и потом на Амуре. Нет сомнения, что по обычаю тогдашнего времени, и по своему обычаю преимущественно, казаки начали свое знакомство с маньчжурами, нынешними владетелями Китая, с мечом в руке, и порешили обладание страной, в которую вступили, правом сильного; но есть также доказательства, что они, в свободное от драки время, пересылались с местными властями, по восточному обычаю, подарками и поклонами и посылали своих людей для разведки далее вглубь земель, в которые входили без всякого руководства, без компаса, ошупью. Таким образом, наши архивы упоминают о двух грамотах китайских императоров, Ви-ли и сына его Чжу-Хуан-ди, из последней китайской династии Мин; первая из этих грамот относится к 1619, а вторая к 1649 годам.

Старшина Поярков, отыскивая серебряные руды, первый достиг Великого океана, спустившись по Амуре. Это было около 1644 года. Он возвратился по речкам Алдану и Лене.

В 1647 году является на берегах Амура известный Ерофей Хабаров. Это уже не простой искатель приключений и добычи! Хабаров был богатый житель Великого Устюга и руководился целью, более разумной. Явившись на берега Амура

с 150 человеками, он подвигался вперед, обеспечивая свой путь построением острожков, в числе которых был и Албазин, и приведением к покорности народов; о чем и донес царю Алексею Михайловичу, присоединив к своему донесению 120 сороков соболей и множество лисиц, в виде дани от вновь покоренных народов. Государь послал Хабарову и спутникам его 300 золотых медалей и вызвал его самого для устных объяснений, а во вновь завоеванный край отправил князя Лобанова и Зиновьева с 3,000 человек.

К этому отдаленному времени должно отнести счастливую мысль, завести прочные политические и торговые сношения России с Китаем, которые, конечно, могли доставить выгоды, если не столь блестящие, как завоевания казаков, то гораздо надежнейшие. Эта мысль родилась в дальновидном уме царя Алексея Михайловича, который, по вызову Хабарова в Москву, в 1653 году, решился послать первое посольство прямо в Ханбалык (Пекин), с грамотой от своего имени к богдохану. Инструкция, данная по этому поводу посланнику Байкову и сама грамота чрезвычайно любопытны, как первые дипломатические акты наших сношений с Китаем; но здесь не место распространяться о них; скажем только, что одно из данных Байкову поручений было уговорить китайских купцов завести с русскими беспошлинную торговлю.

К сожалению, ни посольство Байкова, ни последующая за тем попытка возобновить наши сношения через бухарца Аб-

лина и боярского сына Перфильева, ни, наконец, вновь отправленный в 1675 году посланец Спафари, переводчик посольского приказа, не имели успеха в Пекине. Причины тому надо искать не в неправильно рассчитанных и соображенных предположениях правительства, действовавшего с удивительной в то время дальновидностью и настоянием, без всяких почти данных для своего руководства; но частью в самих исполнителях его поручений, а частью в обстоятельствах, сопутствовавших их исполнению. Все помянутые люди были слишком не опытны и неловки в делах, которые случайно выпали на долю их, и, можно прибавить, не образованы при дворе одного из ученейших императоров, Кан-си, который в то время уже был окружен иезуитами. Таким образом, когда Кан-си, на одной из аудиенций, спросил Спафари, учился ли он астрономии? Тот отвечал утвердительно; а когда богдохан приказал ему объяснить положение звезды *золотой гвоздь* на небе, Спафари отвечал, что «Я де на небе не бывал и имен звездам не знаю». Но, повторяю, главнейшая причина неудачи этих посольств заключалась в обстоятельствах, сопровождавших их: в то время, когда велись дружеские переговоры в Пекине, казаки не переставали делать свои набеги и грабежи на границах китайской империи и тем возбуждать справедливое ее негодование против русских.

Наконец, пекинский двор, не получая никакого удовлетворения на жалобы свои, относительно нападений на границы и выдачи бежавшего из Китая Тунгузского князя Кан-

тимура, жалобы, переданные нашим посланцам и изложенные в листах, которые получены путями очень отдаленными, то через Архангельск, от бывшего в Пекине голландского посольства, то через Испагань, посредством иезуитов, распространявших в то время повсюду свое нравственное господство, – пекинский двор двинул целую армию на берега Амура (в 1684 году). Русское правительство, увидя, что дела с китайцами принимают важный вид, дало уполномочие окольничему и наместнику брянскому Федору Алексеевичу Головину порешить дела с китайцами на нашей границе; для чего вверило ему отряд из 500 стрельцов и 1400 человек сибирского гарнизона. Посол Головин был у руки государей Иоанна и Петра и государыни Софии 23 января 1686 года.

Явившись, после продолжительного путешествия, на наши границы, он должен был начать военные действия с монголами, возбужденными против нас китайским двором. Если мы упомянули о славных людях Пояркове и Хабарове; то не должны умолчать о двух других, не менее прославленных этой эпохой и, подобно первым, живущих еще в памяти забайкальских жителей: это о Демьяне и сыне его Петре Многогрешных, из которых первый был гетманом в Малороссии и, сосланный в Сибирь, поселился в Селенгинске.

Последствием посольства Головина был заключенный в полуверсте от Нерчинска, и потому названный нерчинским, первый трактат между российской и китайской империями. Трактат этот, написанный на русском, маньчжурском и

латинском языках (он был заключен при посредстве иезуитов со стороны китайской) и подписанный уполномоченными обеих сторон 23 августа 1689 года, относящийся преимущественно до разграничения двух империй, слишком известен и мы не станем распространяться о нем.

Между тем, войска, посланные богдоханом Кан-си, осадили Албазин; войска эти в несколько десятков раз превышали слабый гарнизон албазинского укрепления, и потому немудрено, что после продолжительной осады и битв, истребивших большую часть гарнизона, они принудили его, наконец, сдать укрепление. Уцелевшая часть гарнизона уведена была в Пекин, скорее по добровольному соглашению пленных, чем силой; принуждаемая обстоятельствами, она последовала за своими победителями, взявши с собой и священника, отца Димитрия. Люди эти составили роту солдат гвардии богдохановой. Впоследствии времени священник, по старости лет, не в состоянии был удовлетворять духовным нуждам своей паствы, и бывший в Пекине торговый комиссар Осколкин просил трибунал внешних сношений дозволить прислать другого священника для албазинцев. По докладу о том богдохану, он согласился на присылку священника; но не иначе, как, чтобы с ним вместе был прислан и доктор, сведущий особенно в лечении наружных болезней, разрешив им приехать с китайскими посланцами, отправленными с согласия российского двора из Пекина к Аюке, хану волжских калмыков, подданному России. Русский двор с

удовольствием принял это предложение, и в 1715 году, 20-го апреля, вместе с китайским посланцем Тулишенем, отправил в Пекин свою первую духовную миссию, состоявшую из архимандрита Иллариона, священника, дьякона и семи причетников, которая и принята была милостиво в Пекине. Находился ли в числе семи причетников доктор, – это осталось неизвестным.

С этого времени русский двор, при всех сношениях своих с китайским правительством, не переставал заботиться о наших священнослужителях и о пастве, назидаемой ими. Таким образом, когда Петр Великий решился отправить опять посольство в Китай, по случаю препятствий, вновь возникших для нашей торговли в Пекине и неудовольствий китайского правительства, возобновившихся за не высылку перебежчиков, чрезвычайному посланнику гвардии капитану Измайлову поручено было взять с собой иркутского архимандрита Антония Платковского, на место умершего в Пекине о. Иллариона и просить китайское правительство о дозволении построить церковь и об отводе для нее земли.

Измайлов, наученный опытом предшествовавших посольств и предупрежденный самими китайцами, которые просили его вести себя, в объяснениях с богдоханом, не так как Спафари, был принят с почестью и чрезвычайно благосклонно; но не успел спросить дозволения на построение церкви, а потому этот предмет был поручен вновь снаряженному посольству в Китай.

Действительный статский советник граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, назначенный чрезвычайным послом в Китай, отправлен был уже при императрице Екатерине 1-й. Он успел исходатайствовать не только право на построение церкви, но и то, чтобы церковь эта была построена иждивением китайского правительства, а равным образом подтвердил трактатом постоянное пребывание нашей миссии в Пекине; состав ее определен из четырех священников и шести учеников (ст. V тракт.).

Последствием посольства графа Владиславича-Рагузинского был заключенный 20 августа 1727 г. на речке Буре и известный под именем буринского трактат, определяющий с некоторой подробностью наши границы и положивший основание пограничной торговли двух империй.

Говоря о посольствах Измайлова и графа Владиславича-Рагузинского, выпишем здесь слова богдохана Кан-си, сказанные первому из них и отчасти объясняющие дух народа и наши тогдашние отношения к Китаю.

Прощаясь очень дружески с Измайловым, Кан-си сказал ему: «Выслушай и пойми хорошенько мои два слова, и донеси о них своему царю.

Первое, Государь твой могуществен и славен, обладает обширными владениями, а, между тем, ходит против неприятеля своей высокой особой. Море – махина великая; бывают на нем волны сильные и опасные, а потому изволил бы он свое здоровье беречь: есть у него храбрые воины и искусные

вожди, пускай их посылает, а сам остается в покое.

Второе, Дружбы нашей ничто не может поколебать. Да и за что нам ссориться? Российское царство и дальнее и холодное: если бы я послал туда свое войско, то оно бы все замерзло. Равным образом, если российский государь отправит армию в Китай; то, по непривычке к жаркому климату, люди могут понапрасну погибнуть. А хотя бы и удалось чем-либо друг от друга поживиться; то какая может быть от того польза при таком множестве земель в обеих государствах».

Миссия, состоявшая под начальством архимандрита Платковского, человека во многих отношениях замечательного, уже застала в Пекине другие европейские духовные миссии, члены которых, по преимуществу иезуиты, играли значительную роль при дворе, имели обширные монастыри и некоторые считались в службе по астрономическому приказу; но наши последующие миссии были также свидетелями их религиозных раздоров, жалоб и, наконец, совершенного изгнания всех миссионеров (кроме, разумеется, русских) из Китая и разорения, продажи или отобрания в казну их имуществ. Первый памятник на русском миссионерском кладбище поставлен иезуитами (над могилой архимандрита Амвросия Юматова); последний памятник на богатом кладбище португальских миссионеров стоит над могилой остававшегося за дряхлостью лет в Пекине португальского епископа и поставлен русскими миссионерами.

Мы не станем здесь распространяться ни о двух посоль-

ствах китайцев в Россию, ни о других сношениях наших с китайским правительством, не имевших важных последствий для миссии, пребывающей в Пекине. Заметим только, что когда наши политические отношения к Китаю становились неприязненнее, как было по случаю дел о Чжунгарии и бегстве наших волжских калмыков в Китай, тогда и положение миссии, а равно и кяхтинской торговли, становилось хуже. В настоящее время наша миссия в Пекине пользуется совершенной свободой, отправляет богослужение и наставляет свою албазинскую паству беспрепятственно.

В прежние времена миссия сменялась в неопределенные сроки, и нередко оставалась в Пекине около 20 лет; но потом срок этот был определен постоянно в 10 лет. В последнее время наше правительство, по предварительному сношению с китайским трибуналом внешних сношений, предоставило себе право переменять миссию по усмотрению и своему назначению.

Глава II

Переход из долин в горы; река Иро. – Сношения наши с китайскими и монгольскими приставами. – Отправление части казаков в Россию. – Олоты-Калмыки. – Обо.

От Кяхты до Иро обыкновенно провожает миссию небольшой отряд казаков, кроме тех, которые идут до самого Пекина. Это делается отчасти для почета, в соответствии тому, что от ургинских правителей высылается отряд монгольцев за станцию, на встречу, который и сопровождает ее на следующую за Ургой станцию, отчасти для облегчения наших казаков на первой поре, потому что лошади, мало приученные к упряжи, прямо с табуна, и тяжело нагруженные одноколки, облегчаемые по мере потребления провизии, сильно затрудняют сначала переходы миссии, и в этом случае лишние люди очень полезны.

Едва оставили мы Кяхтинскую долину, довольно обширную, как показалась полоса гор, видимо, возвышавшаяся по мере отдаления нашего от границы.

Наконец горы отовсюду окружили нас: горы перед нами, горы по сторонам, – где увенчанные сосновым лесом, где только оазис березняку лежал на темени или у подошвы их; всюду зелень; вид разнообразный и веселый; где отроги разошлись и образовали долину, там извивалась змейкой черная речка, поросшая тростником, с ярко-зелеными лугами,

представлявшими для наших табунов обильное пастбище и приволье. Особенно красив быстрый поток Хангай, укрывшийся в глубоком овраге и в чаще тальника и берез. – Мух здесь вовсе нет и чрезвычайно мало мошки, изнуряющей бедный скот в Сибири.

По сторонам, у речек, где юрта, где другая; пять юрт – это уже много: вот и все население края, роскошного, привольного. Пашней по дороге нигде нет; как о редкости говорят, что за пятьдесят верст от дороги, в стороне, есть посевы прося и пшеницы; впрочем, следы давнишних посевов мы кое-где встречали; поросшие дикой травой канавки, служившие для орошения полей, еще и теперь заметны.

На Иро мы дневали. Река, после засухи, была не слишком глубока и бурна, а потому мы переправились без больших затруднений, вброд, но не без мелких приключений, которые на таком длинном пути и не берутся в счет. В другое время, через Иро переправляются на плотках, устраиваемых очень просто: два кое-как выдолбленные бревна связываются поперечными жердями, на них, из чего попало, делают настилку, а голые монголы, частью в воде, частью на плоту, с помощью одних шестов, управляют такой флотилией. – Мы расположились лагерем на левом берегу реки Иро, или правильнее, Юро, что по-монгольски значит счастье, благодать, и действительно здешний край благодатен для скота.

На другой день пошли обычные посещения китайских и монгольских властей. Отношения мои к ним обозначались

скоро. Китайские власти были немногочисленны и состояли из пристава, тучного, рябого маньчжура и его помощника, бывшего в этом звании еще при миссии 1830 г. и потому довольно знакомого с русскими; монгольские – состояли из множества людей, которые наряжались караульными у табуна в помощь нашим казакам, так же из станционных смотрителей, т. е. смотрителей юрт и лошадей, выставляемых на пути нашем для китайских проводников, иногда издалека, из кундуев, тайцзиев, разных галд и джангинов, – все это под ведомством тусулакчия, украшенного на шапке красным шариком, который обозначал его высокий чин, соответствующий не менее как нашему генеральскому чину. Китайские власти обнаруживали сильное желание поважничать, озадачить, показать достоинство своего звания и значение китайской нации; но остались при одном желании, да и от него впоследствии должны были отказаться, может быть заметив во время, что оно не совсем *прибыльно*. Монголы еще скорее изменили тому характеру, который *должны* были выдерживать перед нами и стали тем, чем были по природе: отношения наши с ними со второго или третьего переезда сделались очень близкими и дружескими; так бывало всегда при переходе наших миссий через Монголию, так, и даже гораздо в большей степени, было и теперь.

От Иро часть казаков должна была отправиться назад, в Россию; но они еще помогли нам подняться на гору, и очень кстати. Тут мы увидели, сколько труда при подъемах на горы

большого, и очень большого размера, как, например, Тумукей с братией; непривычные лошади артачились, скользили, метались в сторону, а по сторонам овраги и невылазный кустарник; сбруя рвалась, одноколки трещали; казаки чуть не на себе вывозили их. Одни верблюды не изменяли нам и чувству собственного достоинства: медленным и ровным шагом шли они вперед и вперед, без остановки, покачивая длинными шеями и обводя окрестность своими томными глазами. Верблюды обыкновенно приходили на место часами тремя ранее нашего; а еще из верблюдов было много диких, не обученных, которые иногда подымали страшную кутерьму в лагере, носясь вихрем по нему, перескакивая через одноколки, служившие обыкновенно барьером, опрокидывая многое на пути и пугая табуны лошадей.

Небольшая субурга, поставленная над прахом какого-то монгольского праведника, одинокая на равнине, со шпиром, кажется довольно красивой с горы; далее, позади же нас, на противоположном взгорье, возвышается сумэ, кумирня, пестрое зданьице, обнесенное частоколом. Вообще, тут еще видна жизнь людей и хотя кое-какие признаки оседлости; не то будет дальше.

От Иро до следующего привала, Куйтуна, переход большой – 31 верста; дорога тяжелая: вся холмами и горами; дождь лил с утра и не переставал до полудня; грунт земли, правда, крепок; но лошади, если не грузли, то скользили, особенно на горах, и это чрезвычайно затрудняло наш поезд.

Даже верблюды приотстали; на этих бедных тружеников ни что так не действует, как непогода и дождь: ноша их, и особенно войлоки намокают и тяжелеют; сами они, продрогшие, с трудом переступают по скользкой дороге, часто падают и тогда их, несчастных, нелегко поднять.

Мы пришли к привалу не ранее восьмого часа вечера, и те, которым не случилось еще спать под намокшими войлоками юрты были неприятным образом поражены их тяжелым и удушливым испарением.

Следствием большого перехода было то, что на другой день мы поднялись в путь позже обыкновенного: надо было дать скоту несколько поотдохнуть и покормиться.

Что за чудный, неуловимый взором перелив света и теней на небе и земле! В долине дождь ливнем лил; мгла такая, что не отличишь предметов в нескольких шагах; а подынешься на гору, солнце пригреет и высушит. Радужным светом сияло пол-неба, другая половина была одета разноцветными тучами, то окаймленными пурпуром, то черными, непрерывно меняющимися в фантастических изображениях, среди которых иногда виднелась, сквозь прогалины, яркая лазурь неба; местами дождь лил в полу-горе, а вершина ее в то же время сияла как золотая маковка; там дол озарен светом, а на вершину надвинулись тучи; дождь то нагонит нас, то уйдет вперед или уклонится в сторону; на-часу времени три-четыре раза войдем в полосу дождя и выйдем из нее; а радуги то и дело являлись то в одном конце, то в другом, описы-

вая полные дуги, иногда в два, а иногда в три ряда, с чудным фиолетовым отливом в промежутках, и не всегда скрывались они за горизонт, но часто ниспускались на землю и захватывали часть ее своими концами. В горах вообще переходы от дождя к ведру, от холода к жару быстры; но мне давно не случилось видеть таких резких изменений. К вечеру дождь затих, небо стало ступенчататься; на западе показалась золотистая полоса и на ней пол-круга западающего солнца; ярко озаряло оно край неба, едва достигая своим светом высот его, которые бледнели, бледнели и, наконец, скрылись в тумане. На противоположном, очистившемся синеватом горизонте, вставал полный месяц, пересеченный полосой набегавшей тучи:

I live not in myself, but I become
Portion of that around me...
Are not the mountains, waves, and skies, a part
Of me and of my soul as I of them?

(Не сам собой я живу, а делаюсь частью того, что меня окружает... горы, волны, небеса не составляют ли часть меня и души моей, как я составляю часть их)².

Мы довольно поздно пришли на станцию *Урмухту*, расположенную у горы того же имени. Здесь редко название местностей связано с историческими воспоминаниями или

² Джордж Гордон Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда. Песнь третья. Строфы 72...75. – Прим. ред.

с какими-нибудь затейливыми вымыслами; происхождение их просто: в речке желтое, песчаное дно, и речка называется *Шара*, желтой; дно реки не чистое, черное, и речка называется *Хара*, черная, а по речке носит имя и вся окрестность; на горе пал верблюд, и гора – верблюжья. Урмухту вот от чего получало свое название: в одну суровую зиму скот падал сильно, что здесь нередко случается; все сетовали, вопили, глядя на свое крайнее разорение, а никто ничего не делал для отвращения беды, только один старый монгол откочевал к подошве этой горы, в затишье от северных ветров, которые очень суровы весной; у других табуны или вымерли до одной скотины, или бродили истощенные, слабые, а у старого монгола уже появились пенки, *урму*, лакомство монголов; вот в память этого-то события и гора названа Урмухту.

От станции Баин к Хара-голу, на половине дороги, которая здесь так редко отбивается в сторону, и то разве для того, чтобы довести до какого-нибудь перелеска, куда монголы ездят за дровами, вдруг дорога расширяется на трое; две из тропинок обходят крутизну Манхатай, а одна, крайняя к левой стороне, ведет прямо через Сынсу, каменистую и высокую гору; дорога направо к западу слишком далеко отбивается в сторону; по ней ходят купеческие караваны с чаями; мы шли по средней из трех, направляясь на Тумукей.

Не доезжая раздела дороги, на вершине горы Хусуту-дабы (березовая гора) стоит *обо*: тут граница цзасаков Церен-доин и Церен-доржи; а недалеко от Харинской станции, по речке

Боро, впадающей в Хару, по южную сторону Мангатая, живут Олоты-калмыки. – Лет 150 тому, какой-то бытыр отличился в деле против Чжунгарии, за что и получил чин бейлы и семей 20 Олотов, которых привел с собой и впоследствии подарил их ургинскому кутухте; теперь их размножилось до 100 семей; они занимаются хлебопашеством и третью часть своих произведений отвозят кутухте. Их-то пашни мы видели по дороге от станции Хары до Хоримту. Эти калмыки и теперь еще носят название пленников.

Обо встречается почти везде на вершинах гор; а потому пора объяснить значение его. *Обо* составляет еще остаток шаманских верований. В старину сами шаманы избирали для сооружения его место, большей частью на вершине горы, во всеувидение, близ дороги, чтобы каждый проезжающий или проходящий мог что-нибудь положить на него, хоть, на пример, конский волос, как жертву духу – обитателю горы; это был их жертвенник, возбуждавший к религиозным языческим приношениям. По введении буддийской веры, ламы не могли искоренить верования в *обо*, вокруг которого обыкновенно происходили сходбища и пиры народа, а потому с ними были связаны его лучшие воспоминания; оставалось только применить *обо* к понятиям новой религии. Ламы составили для сооружения их особые правила и молитвы и изменили жертвоприношения; но народ, мало-помалу, опять обратился к своим прежним обрядам, применив их только к буддизму; сами жертвоприношения животных, так стро-

го запрещаемые ламой Веджридари-мерген Диянчи³, опять вводятся между нынешними монголами.

Обо предназначаются для местопребывания духов и драконов земли и вод, которые покровительствуют месту. Правила, предписанные ламами для сооружения *обо*, правила, которым, впрочем, монголы не очень подчиняются, состоят в том, что избранное место, обводится заколдованным кругом, потом, среди его воздвигают из земли и камней курган, в который зарывают панцырь, лук, оружие, платье, всякие явства, лекарства, писанные на холсте молитвы и проч.; сверх насыпи ставят изображения птицы, зверя, или садят дерево; вокруг главного кургана делают еще 12 меньших и все 13 изображают мир, по понятиям буддийской веры: средний соответствует горе Сумэру, а прочие – 12 частям мира. Потом происходит освящение; читают особые молитвы и приносят жертвы, состоящие из плодов или молока.

По окончании обрядов, начинается пированье, скачка, борьба и проч., подобно тому, как было во времена шаманства.

Станции за три до г. Урги, видели мы в первый раз яка, которого, кажется, неправильно называют в Европе буйволом. Родина яка в Тибете, откуда он и заведен сюда. Там, как и здесь, живет он в горах; приведенные в долины яки хилеют и не размножаются; несколько раз их пригоняли в Кяхту; но они едва доживали здесь свой век и не давали припло-

³ Черная вера, Д. Банзарова, Казань, 1846 г.

да. В знойное время, яки удаляются в горы или лежат в воде. Ростом они с нашего небольшого быка, седлисты, голова небольшая, шея тонкая и короткая, хвост шелковистый, употребляемый в Китае для кистей на шапке, а у нас, иногда, для султанов; на брюхе также длинная шерсть. Яки не ревут.

Глава III

Переезд через хребет Тумукей. – Хоримту, кочевье Ту-сулакчи. – Облава у древних и нынешних монголов. – Браки у монголов и влияние лам; встреча с ученым ламой; письменность в Монголии. – Приближение к Урге.

Переезд через крутой, поросший лесом, заваленный ва-лежником и камнем, высокий кряж гор Тумукей прежние миссии обыкновенно совершали в два дня; мы одолели его в день; но зато обоз пришел на привал в 11 часов ночи; втаскивали на гору по одной и по две одноколки за раз, подвывая к ним по несколько лошадей гусем и помогая руками. На вершине горы, как водится, *обо*, усыпанное и увенчанное различными приношениями от монголов, достигавших благополучно вершины горы. Между множеством тибетских и монгольских молитв, писанных большей частью на бараньих лопатках, мы нашли также русскую надпись, оставленную на камне, вероятно, нашими курьерами, посылаемыми по временам в Ургу.

Окрестность волновалась, как море, в испарениях, которые после дождей обильно стлались на покатах гор.

После трудных переездов через горы, мы дневали на Хоримту. Погода совершенно разгулялась; небо было сине; тучи едва набегали, и мигом, сложившись и разложившись в тысячи форм, исчезали. Днем было около 12° тепла, ночью

ртуть в термометре опускалась до 5°.

Провожавший нас тусулакчи, человек лет 28, чистой крови, хорошей кости, как выражаются здесь, т. е. хорошего происхождения и чиновный, был особенно весел, подъезжая к Хоримту; он обгонял обоз, задирали шуткой казаков, рассказывал разные прибаутки мне; его открытая, приятная физиономия дышала счастьем: весело было глядеть на него. По приезде на привал, он явился ко мне, как было при встрече, с полным угощением по монгольскому обычаю: за ним несли два ведра кумысу, ведро кирпичного чая, затурана, вареного с молоком, бараньим жиром и мукой, вино, перегнанное из кумыса, пенки из овечьего молока, поджаренные и очень вкусные, арул, осадок от перегонки кумыса в вино, выжатый и высушенный, острого, кисловатого вкуса. – Что бы это значило, чему обрадовался наш тусулакчи? «Я здесь дома, – сказал он, смеясь, – вы у меня в гостях» и он захохотал громче прежнего. – Действительно, смешно было называть своим домом открытое отовсюду, для всех, место; но это были его кочевья, и он, не шутя, называл их своим домом; он смеялся не над странностью выражения, но от полноты счастья, которым была преисполнена душа его при виде родных мест.

Хоримту – обширная равнина, окруженная горами. По ней извивается речка Боро и ручеек Арганату, в нее впадающий. Там, где горы сжимаются, едва пропуская ручей в другую соседнюю долину, они оканчиваются уступами, несколь-

ко обрывистыми, в других же местах переливаются, как волны, из одной гряды в другую, все выше и выше, чем далее от равнины. Возвышенности венчаются *обо*; покати покрыты мелкой, яркой зеленью, на которой повсюду бродили стада овец, а на высотах козы; в падах виднелись лошади и рогатый скот; на равнине разбросано множество юрт и среди них стояла бедная бревенчатая кумирня, обнесенная частоколом, как всякая здешняя кумирня. Приволья много, вода чистая и в достаточном количестве.

Хорим значит пир, Хоримту – пиршественная (долина). Эта равнина получила свое название по случаю тех пиршеств, которые здесь устраиваются во время облавы.

Надобно сказать, что облава у монголов и маньчжуров не столько потеха, сколько обязанность, служба, и довольно тяжелая. У гуннов, точно так же, как впоследствии у монголов, охота составляла особое учреждение, для поддержания воинственного духа и непрерывной деятельности в войсках; это был род их военных маневров, со всеми трудностями походов по горам и непроходимым дебрям и опасностями битвы с дикими зверями. Чингис-хан, в своих степных законах, называет облаву школой воина. Отличившийся на охоте награждается также, как бы он отличился на войне. Прежде сами императоры Китая выезжали на облаву, к восточным границам Монголии; но нынешний богдохан, наученный опытом предместника своего, который, вернувшись с облавы, застал в Китае восстание и ворота великой стены для себя за-

пертыми, нынешний богдохан, кажется, ни разу не ездил на облаву; тем не менее, однако, почти через каждые три года отправляют эту службу правители Монголии и Маньчжурии.

Толпы монголов, считающихся в военном звании, стекаются на Хоримту в начале осени, и образуют род военного стана; число их простирается до 10,000 человек; вслед за ними приезжают амбани с огромной свитой; иногда предварительно испытывают собравшееся кочевое войско в стрельбе в цель, иногда прямо приступают к облаве.

На восточной стороне равнины возвышается гора, называемая Ноин-ола, господская гора, за ней, несколько севернее, другая и потом, подалее, третья: все они покрыты лесом, преимущественно березовым, осиновым и сосновым, заросли кустарниками жимолости и шиповника. Облаву начинают с Ноин-ола; амбани помещаются в ущелье, что против кумирни; народ, окружающий лес, постепенно сходится к центру, и гонит на них зверя. Ван, монгольский правитель, стреляет первый, за ним уже другие, составляющие его свиту; солдаты сторожат зверя, прорывающегося через линию, и тогда уже позволяется стрелять из ружья, у кого оно есть; обыкновенно употребляют для этого лук и стрелы. – Зверя довольно всякого, потому что кругом заповедных лесов стоят караулы и не пускают никого в лес, даже за дровами, чтобы не полошили диких обитателей его. За несколько дней до нашего приезда, один бедняк прокрался на Ноин-олу и убил изюбря, которого рога так дорого ценятся в Китае; как-

то проведали о том, допытались, уличили в преступлении, и несчастного отправили в колодках в Ургу, где он поплатится дорого за нарушение закона.

Всего более в лесу медведей и диких коз; есть изюбри, дикие кабаны и даже рыси. Охота на всех трех горах продолжается 45 дней.

Путешествие наше пока шло незаметно, и мы бодро приближались к Урге. Несколько ушибов, полученных при подъемах и спусках с гор, несколько легких лихорадок, на таком пути и при таком многолюдстве каравана, в счет не идут. Природа, даже и по выходу из роскошного Забайкальского края, казалась нам довольно разнообразной. Везде мы находили хорошие пастбища и проточную воду, с которой так скоро и надолго должны были расстаться, а это главное на пути, и монголы очень основательно предлагают первый вопрос путнику: «Какова вода, здоров ли скот?» – Падеж скота, – страшное бедствие для путешественника среди пустынь Монголии; оно часто угрожало нашим прежним миссиям, едва не постигло и нас на обратном пути.

Юрты попадались довольно часто, и мы нередко заходили в них отдохнуть и потолковать с монголами. Жаров мы не испытывали; скорее было холодно; на вершинах Гунту мы даже встретили иней. Сухари еще не приелись, запах аргала не пропитал нашего платья и не закоптил собственной нашей кожи; неудачно приготовляемые обеды казака-повара более смешили, чем сердили нас. Кстати, об этом поваре, о Воро-

бьеве: он сопутствовал четвертой миссии в Пекин; а известно, что миссии сменяются через десять лет, — сначала в качестве коновала, потом повара; в прошлую миссию его не хотели было взять за старостью лет; нынче он явился ко мне с предложением своих услуг, уверяя, что в течение десяти лет он вовсе не постарел, а только отдохнул. Во время пути, по его неумоимости, я убедился, что он точно не устарел; но или забыл свое поварское искусство, или вовсе не знал его; по крайней мере он полезнее был своими сведениями по части ветеринарной, чем поварской. Впрочем, и то сказать, что все материалы для стола здесь ограничивались одной бараниной; баранина, и каждый день баранина, и целых десять недель баранина, как бы приготовлена ни была, а, право, надоест; у нас же за столом она всегда являлась *au naturel* или вареная или жареная.

Лагерь наш пестрел народом. Монголы скакали взад и вперед около каравана, теснились у юрт тусулакчи и дзангинов или, вместе с ними, переходили к моей юрте; монголки бродили около юрт китайских приставов и нередко были зазываемы в них, — молоденькие особенно.

Многоженство существует в некоторой степени в Монголии, в противность мнению почтенного о. Иакинфа, которого суждения я вполне уважаю и ценю. Закон ли, злоупотребление ли закона, только монголы, под незначительными предложениями берут двух и даже трех побочных жен, не говоря о наложницах. Так как брачные обряды совершаются только

при первом браке, то китайцы и называют это одноженством. Впрочем, и это мнимое одноженство введено маньчжурами, только в половине XVII века. Оно имеет значение в применении к гражданским правам: таким образом, сын от законной жены наследует все права отца; только за неимением законных детей допускается усыновить рожденного от побочной жены, и то с дозволения высшей власти. К чести монгольского семейного быта надо сказать, что жены живут большей частью в мире, обыкновенно повинуюсь старшей. И что за брак монгола – первый брак! Ему выбирают жену отец и мать; по личным видам, по предсказаниям ли лам, очень часто навязывают ему такую, которая уже перезрела, между тем как муж еще не вышел из юношеского возраста и едва понимает свое собственное состояние, а не то, что сложную систему супружеской жизни; жена поневоле делается ему нянькой, пестуном, нередко злым и к тому же старым и некрасивым. Сознавши свое достоинство мужа, – мужа на востоке, т. е. мужа по преимуществу, он старается выместить ей свое унижение и нередко отправляет ее назад к родителям, несмотря на то, что лишается заплаченного калыма, или даров, сделанных перед свадьбой, как выражаются степные законы, что в сущности одно и то же. К этому, однако, неохотно прибегает монгол, как бы ни был оскорблен женой, потому что, кроме калыма, лишается в ней работницы. Однофамильцам, родственникам с мужской стороны воспрещается вступать в брак; но родство с женской стороны не принима-

ется в расчет: таким образом, два родных брата могут жениться на двух родных сестрах; монгол может взять за себя сначала одну сестру, а по смерти ее, другую и т. д. Странно, что в Монголии сохранился обычай, который существует в Киргизской степи и во многих местах на востоке, а именно, когда поезжане жениха являются за невестой, то подружки уступают ее только с боя, и тут завязывается между ними схватка не на шутку. Вторую жену монгол берет уже по собственному выбору, хотя все еще спрашивает родителей, по наружному уважению к ним, и лам – из страха: лама знает все – и благоприятный день для свадьбы, и сходствуют ли между собой созвездия жениха и невесты. Удивительно, как эти люди, эти ламы, совершенно невежественные, могут держать народ в таком заблуждении и пользоваться влиянием на него. В самой сущности дела, они отличаются от простого народа только тем, что бреют себе головы, да остаются безбрачными, хотя и ведут жизнь не совсем безукоризненную. Образование их ограничивается знанием нескольких буддийских молитв, которых смысла они не понимают, или чтением *юма*, одной из их священных книг, больше на память, чем по печатному; чтение *ганжура* и *данжура* уже составляет высокое образование ламы, а толкование их доступно разве высшему духовенству в Тибете, да еще кое-кому из окружающих ургинского Кутухту-гегена; это, впрочем, и немудрено: *ганжур* состоит из 108 больших томов и составляет всю ученость буддизма.

Дар красноречия и особенно удачное употребление аллегорий, сравнений и афоризмов Будды считается высшей степенью образованности между монголами; людей, обладающих таким талантом они готовы признавать за существа высшей породы; впрочем, таких весьма и весьма мало. Я встретился как-то с ламой довольно бойким, который считался между здешними ламами светильником веры. Желая сразу изумить своей ученостью, он, после обычных приветствий, обратился ко мне с такой речью. «Душа человеческая, подобно ушам слона, в вечном движении, произнес мудрый Будда. Дай же покой хоть телу, не изнуряй его, отдохни между нами, дай время душе скрыться в свою оболочку, подобно черепахе, скрывающейся при виде опасности под защиту своей крепкой коры, и успокоиться внутренним созерцанием.» – Бывшие тут монголы самодовольно глядели, желая прочесть на лицах наших, какой эффект произведут эти звучные и, вероятно, заранее приготовленные слова. – «Душа моя здесь между друзьями, между мудрыми, – отвечал я, – намерения ее чисты, ей нечего скрываться, она вся наружи; согретая солнцем дружбы и мудрых суждений ваших, она и отдыхает и созерцает». И мой ученый лама, сбитый с толку громкой фразой, не нашелся что отвечать, к крайнему соблазну окружающих его лам, и едва пробормотал несколько несвязных слов для того, чтобы, по обычаю Востока, сказать свое слово последнему.

Хласса, в Тибете, для монголов тоже, что Мека для магом-

метан. В Хласе ламы получают высшее образование. В Монголии, разумеется, нет школ. Светские люди учатся у частных учителей, а дети служащих в Пекине – в тамошних школах, из которых, некоторые, учреждены собственно для монголов.

Письмо в Монголии существует с 920 года (до того употребляли, вероятно, китайское письмо); оно известно под названием киданьского, и, судя по ничтожным остаткам его, дошедшим до наших времен, было идеографическое, в подражание китайскому. Родоначальник династии Гань⁴ изобрел собственное письмо, хотя, по словам китайских историков, заимствованное из киданьского и китайского, однако не представлявшее идеографического смысла, а выражавшее только звуки и слоги для составления слов. Чингис-хан, при сношениях своих с разными народами тюркского племени, употреблял ойхорское письмо, которое усовершенствовано или изменено в нынешнем монгольском письме; оно изобретено, вероятно, в XII веке, во время владычества Ойхоров в Восточном Туркестане, и потому напоминает собой форму букв арабских; что же касается до того, что оно пишется сверху вниз, то это, без сомнения, заимствовано с китайского.

⁴ У Бичурина Н. Я. – Династия Гинь (см. Бичурин Н. Я. «Статистическое описание Китайской империи в 2-частях. Издание Пекинской духовной миссии. Пекин, 1910 г.). – Прим. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.